

УДК 1 (091)

Д.С. Малышева

ОБЪЕКТ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ: КРИТИКА ПОВЕРХНОСТНОГО АНАЛИЗА

Предметом данной статьи является прояснение понятия. Раскрывается содержание понятия «объект» в феноменологической традиции, анализируется критика феноменологического метода Эдмунда Гуссерля Грэмом Харманом, нашедшая отражение в книге «Четвероякий объект». Представлены авторская интерпретация смысла феноменологической редукции и ее когнитивной ценности.

Феноменологический объект не отделен от своих чувственных качеств пропастью, но и не растворен в них. Феноменологический объект не заперт в рамках сознания. Редукция есть первый шаг феноменологического исследования, и предполагает очищение интенционального поля от содержаний. После осуществления феноменологической редукции мы действительно делаем шаг назад, но только для того, чтобы имманентный мир сознания тоже стал внешним. После осуществленной редукции имманентное и трансцендентное равноправно присутствуют. И то и другое находится во внешнем отношении к его *cogito*.

Объект в феноменологии не разбит на сущность и явление. Феноменальная явленность объекта (объект-в-модусе) – это всегда явление самого объекта сознанию. Это объект, схваченный сознанием. Феноменология не предполагает рождения в сознании копии или образа объекта. Интенциональный объект представляет собой не образ трансцендентного, а само трансцендентное, вступившее в отношение с сознанием. Понятие интенциональность обозначает эту связь. Феноменология не предполагает, что интенциональное отношение искажает сущность объекта, скорее, наоборот, способствует его раскрытию.

Ключевые слова: объект, редукция, явление, сущность, имманентное.

Четвероякий объект Грэма Хармана является одним из программных текстов по объектно ориентированной философии, или спекулятивному реализму. Одна из глав книги – *Чувственные объекты* – строится на полемике с основателем феноменологии Эдмундом Гуссерлем. В рамках данной статьи мы проясним, какие именно феноменологические интуиции остаются скрыты для Хармана и почему его критический анализ недостаточно обоснован. Мы позитивно оцениваем методологию спекулятивного реализма и антикорреляционистский проект в целом, но стремимся показать читателю, что выявленные Харманом противоречия между его теорией и гуссерлианским пониманием «объекта» в большей мере иллюзорны. Проясняя поверхностное недопонимание, мы формируем общее поле анализа объективности.

Грэм Харман критикует феноменологию как одно из проявлений корреляционизма. Он связывает в единое направление феноменологию Гуссерля и фундаментальную онтологию Хайдеггера, последнего он причисляет к феноменологической школе. Мы должны отметить, что проект Гуссерля сейчас развивается в иной плоскости, чем хайдеггерианская онтология.

© Малышева Д.С., 2015

Малышева Дарья Сергеевна – ассистент кафедры философии и права, ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: daria.mal@gmail.com.

Главное недопонимание, на наш взгляд, относится к определению феноменологии как одного из крайних вариантов корреляционизма, который спекулятивные реалисты относят к «плохой» или «провинциальной» метафизике [1], поскольку бытие мыслится в ней только как связанное с человеческим сознанием. Действительно, для Гуссерля *первичное «есть» («существовать»)*, данное в опыте, не значит ничего иного, как «находиться в интенциональной связи». Но является ли феноменология корреляционизмом или можно мыслить ее иначе? Раскроем этот вопрос подробнее.

Атрибут существования, редуцированный до интенциональной связи с конкретным сознанием, не является единственно возможным вариантом бытия вообще, но это единственная форма бытия, которая является аподиктически истинной. Этот момент Гуссерль подробно раскрывает в «Картезианских медитациях», но если Декарта подобные размышления приводят к «роковому повороту» [2, с. 83] – понятию «трансцендентального субъекта», то у Гуссерля *ego* не получает абсолютного статуса (подобного статусу Бога) и не регистрируется в качестве «субстанции». Речь идет только о том, что бытие вещей, данное в корреляции с сознанием, является единственным аподиктически очевидным фактом реальности. Иное имеет статус возможного, в том числе и бытие вещей вне человеческого опыта. Мы полагаем, что этого достаточно для формирования любой, в том числе объектно ориентированной онтологии. Возможно, несколько свободно трактуя гуссерлианский проект, мы скажем, что бытие вещей вне отношения к человеку можно мыслить как один из вариантов региональной онтологии, метафизики с «выключенным» сознанием. С утверждением Хармана, что «мир, лежащий за пределами человеческого, играет малую роль в их (Гуссерля, Хайдеггера – *прим. автора*) философствованиях», можно согласиться лишь отчасти: скорее, это только вопрос приоритетов – внутри общего поля исследования человеческий мир представляется наиболее проблемным.

Здесь Грэм Харман повторяет расхожую шутку: призывая вернуться к вещам, феноменолог якобы уверяет всех, что «вещи в голове». Под «головой», или сознанием, обычно понимается превратно истолкованная «интенциональная область» как некая граница сознания. В действительности интенциональность не предполагает поглощения мира сознанием, и когда объект схватывается в акте *cogito*, в интенциональном взаимодействии, он остается самим собой, внешним по отношению к *ego*.

Харман признает, что оба феноменолога «негласно зафиксировались на объектах, несмотря на отсутствие в их философии полноценного реализма». Он называет Гуссерля диковинкой среди идеалистов, «объектно ориентированным идеалистом». Харман находит расколосность объекта на сущностное ядро и подвижный пласт явлений в скрытой форме у Хайдеггера и явным образом у Гуссерля. Харман анализирует этот факт в случае каждого отдельного философа. Остановимся только на критике Гуссерля.

Харман называет метод Гуссерля «зверски идеалистическим действием», полагая, что «в феноменологии объекты не автономны по отношению к сознанию» [3, с. 22], а их существование содержит в себе возможность исчезновения без внимающей рациональной сущности. Также философ продумывает аргументы своих призрачных оппонентов – «гуссерлианцев»: они бы могли заявить, что лишь «сущность объектов продолжит существование после смерти мыслящих существ» [3, с. 22]. Такой «ответ» не удовлетворяет Хармана, продолжающего утверждать: объект в феноменологии не имеет автономного существования вне зоны «актуального или потенциального наблюдения».

Допустим, я как феноменолог созерцаю цветок, стоящий на подоконнике. Отворачиваясь или закрывая глаза, я предполагаю, что растение за пределами поля моей интенциональности продолжает свою автономную жизнь. Если, вернувшись к созерцанию, я не нахожу цветка, то делаю вывод, что сплю или наблюдаю иллюзию. Если цветок на месте, я, вероятно, бодрствую и присутствую при упорядоченном процессе реальной жизни. Ученик Гуссерля Ингарден в своих лекциях по феноменологии, конечно, приводит известную историю о том, как его учитель обмолвился: возможно, через сто лет все взорвется и выяснится, что «никакого яблока не было» [4]. Но это значит лишь одно: феноменология признает автономное бытие объекта, допускает при этом потенциальную возможность его иллюзорности (или – инаковости вне человеческого опыта). На наш взгляд, допущения автономного бытия объекта вполне достаточно, чтобы отличить субъективный идеализм от феноменологии. Иное дело, как мы указали выше, что феноменологию не всегда интересует этот аспект.

Также Харман сетует, что в феноменологии у объектов «нет секретной жизни или внутренней каузальной способности», а в интенциональной сфере нет «ничего автономного от наблюдателя» [3, с. 22]. Феноменологический метод, конечно, сосредотачивается вокруг человека, но любой объект, попадающий в интенциональное поле восприятия, остается автономным, даже если это касается идей. При осуществлении процедуры редукции не внешнее становится внутренним (захваченным сознанием), а внутреннее становится внешним – все объекты, природные, физические, сфантазированные, становятся внешними для сознания, которое меняет свой привычный вид. Вместо двух областей: внутренней и внешней и границы между ними, мы получаем чистое ego (бессодержательное) с интенциональными линиями, идущими от него. Так называемое содержание сознания с этих пор также может быть названо внешним, наряду с внешним миром. Отныне внутреннее – это лишь то, что не подлежит экспликации. Именно этот момент создает, на наш взгляд, путаницу в понимании проекта Гуссерля.

Далее Харман ссылается на конфликт, произошедший между Гуссерлем и Казимиром Твардовским. Последний утверждал, что при познании и восприятии происходит удваивание реальности: образуются два пласта – объект, ле-

жащий за пределами сознания, и содержание, схваченное сознанием. Гуссерль отказывался от такого понимания, поскольку считал, что «Берлин в сознании и Берлин, существующий в мире, – это одно и то же» [3, с. 23], тем самым уходя в сторону идеализма, – заключает Харман. Харман критикует этот момент, но именно здесь Гуссерль наиболее близок объектно ориентированной онтологии, поскольку человеческое сознание никак не деформирует и не удваивает объективный «Берлин», схватывая его в модусе присутствия или фантазии. На наш взгляд, одна из самых сильных, но малозаметных интуиций Гуссерля связана с отказом от удвоения реальности, но расхожая трактовка заключается в том, что отказ от удвоения понимается как уход в мир сознания и устранение мира внешнего, объективного, в то время как Гуссерль отказывается именно от мира внутреннего, все ставя во внешнее отношение к его. Правда, Гуссерль указывает, что нельзя подводить «под один и тот же род сущности феноменологически-временное и космически-временное» [5, с. 178], и это можно было бы трактовать как удвоение, если бы не разработанная впоследствии идея региональных онтологий, каждая из которых захватывает определенную область реальности и феноменов, но оставляет идентичным объект как таковой.

Харман пишет, что Гуссерль отступает «в феноменальный мир, как монах в пустыню» [3, с. 24], а там «вращается по какому-то кругу в состоянии суицидальной депрессии». Мы мыслим иначе: Гуссерль, напротив, вступает в мир, но, как интенциональное существо, вступая в мир, набрасывает на него интенциональную сеть отношений. Визуально позицию феноменолога можно обозначить следующим образом: человеческое сознание образует сферу схватывания. Сознание набрасывает виртуальную сеть на внешний мир, подключаясь к нему. Такова форма бытия человека – распространенность во вне. *Критика Хармана оказывается не критикой феноменологического проекта, а критикой сознания, застрявшего на этапе осуществления первичного эпох, когда мир впервые подвергается сомнению и интенциональная сеть очищается от содержания, показывая свою структуру.*

Харман, хотя и признает близость объектно ориентированной философии и феноменологии Гуссерля, но настойчиво утверждает, что вещи в начальном феноменологическом проекте закрыты в «королевстве разума» [3, с. 33]. Мы видим здесь противоречие, связанное с недопониманием Харманом процедуры редукции и последующих феноменологических шагов.

Харман сетует, что «вулканы» и «черные дрозды» не получают индивидуальной жизни вне корреляции с человеческим сознанием. На самом деле феноменологический проект отнюдь не закрывает нам возможность описания интенционального мира «вулкана», «черного дрозда», «фиалки» вне связи с возможным человеческим наблюдением. Хотя, осуществляя такой акт, мы неизменно будем «пересаживать» собственную интенциональную структуру,

выстроенную вокруг его, в пекло вулкана, пытаюсь создать его собственный окружающий мир (этим занимаются сказочники). Также следует сказать, что Харман не принимает во внимание специфику интенционального взаимодействия: (при интенциональном взаимодействии – *прим. авт.*) «в отличие от натуралистической связи взаимодействуют не две физические вещи, а определенное психическое состояние и тот объект, в отношении к которому оно находится» [6].

Противоречие и сложности, связанные с преодолением пропасти между чувственными «завихрениями» и ядром, могут быть отброшены по следующей причине. Фокус феноменологии заключается именно в том, что все феноменальное отныне относится к сущности. «Завихрения» явлений перестают быть чем-то вроде одежды объекта или, хуже, его маски. Феноменолог видит, что это и есть возможная сущность вещей, их собственное поле интенциональности, которое существует до человека, до того, как «чувственные завихрения» достигнут его ушей, глаз, ноздрей и пальцев, до того, как осуществится перцепция. Отрывать одно от другого действительно есть зверское искажение бытия, – в этом мы согласны с Харманом. Исследователи Хармана считают, что в феноменологии «на первый план выходят феномены, а не реальные объекты» [7, с. 112], не учитывая, что феномены и есть единственная реальность, что феноменальность – есть способ существования объектов. Кроме того, следует иметь в виду хорошо проработанную Гуссерлем теорию intersubjectivного взаимодействия, согласно которой «смысл успешно осуществлённой апперцепции “других *ego*” состоит в том, что их мир, мир, принадлежащий их системам явления, должен быть сразу же воспринят в опыте как мир, принадлежащий моим системам явления, а это подразумевает тождественность этих систем» [2, с. 241].

Мир, находящийся в интенциональном взаимодействии, – не есть искаженный мир, и построение региональной, гипотетической онтологии объекта вполне осуществимо в феноменологии. Но именно сознание является «процессом придания смысла и построением смыслового горизонта предметности» [8]. Основной же целью редукции и последующего феноменологического анализа является выход за пределы значений, к совпадению с ноэтической стороной созерцания. Феноменолог «возвращается к самим вещам и устраняется перед оригинальностью и изначальностью значений» [9, с. 197].

Итак, феноменологический объект – не есть нечто, пропастью отделенное от своих чувственных качеств, также объект не заперт в пределах сознания. Редукция, как первый шаг феноменологического исследования, предполагает очищение интенционального поля от любых содержаний. Когда мы осуществляем феноменологическую редукцию, мы действительно делаем шаг назад, но только для того, чтобы сделать внешним имманентный мир сознания. После этого имманентное и трансцендентное равноправно существует во

внешнем отношении к его cogito. Феноменология считает возможным формирование какой бы то ни было региональной онтологии, в том числе онтологии «вулкана» или «черного дрозда», но не всегда считает это продуктивным.

Список литературы

1. Наранович С. Интервью с Грэмом Харманом [Электронный ресурс]. – URL: <http://mtrpl.ru/graham-harman> (дата обращения: 19.10.15)
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В.Скляднева. – СПб.: Наука, 2006. – 315 с.
3. Harman G. The Quadruple Object. – Winchester, UK: Zero books, 2011. – 150 p.
4. Ингарден Р. Лекции по феноменологии Эдмунда Гуссерля. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 224 с.
5. Гуссерль Эд. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / пер. с нем. А.В. Михайлова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 336 с.
6. Ладов В.А. Загадка интенциональности: Brentano и Гуссерль [Электронный ресурс]. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000736/index.shtml> (дата обращения: 19.10.15)
7. Рыбакин В.В. Объектно ориентированная онтология Грэма Хармана и аналитика искусства // Вестн. Самар. гум. акад. Серия: Философия. Филология. – 2012. – № 2 (12). – С. 109–115.
8. Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/molchanov/zb.htm> (дата обращения: 19.10.15)
9. Деррида Ж. Письмо и различие: пер. с фр. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 428 с.
10. Bernet R. Husserl's new phenomenology of time consciousness in the Bernau manuscripts. p. 1–19 // On time new contribution to the husserlian phenomenology of time. Edited by Lohman D., Yamaguchi I. – Springer Science, 2010. – 343 p.

Получено 28.08.2015

D.S. Malysheva

THE OBJECT IN PHENOMENOLOGY: THE CRITICISM OF SURFACE ANALYSIS

The subject of article is to open the conception "object" in phenomenology. The author expands content of the conception by analyzing Harman's criticism of phenomenological method which was published in "The Quadruple Object". The author shows that Harman's criticism is directed to corrupted phenomenology. In the article the authors interpretation of the meaning of phenomenological reduction is opened, as with its cognitive value. The aim of the article is to make clear Husserl's method, and to specify phenomenological intuition's by polemic.

The main theses of article. The phenomenological object is not separated from its sensuous qualities by the any deep, also it is not solved in qualities. Phenomenological object is not closed in borders of consciousness. The reduction is the first step of phenomenological research, it supposes the clarification of intentional field from content. When phenomenological reduction is actualize, we came back to consciousness to make immanent world – external. After it the immanent and the transcendent become equal.

Object in phenomenology is not crashed on the essence and the phenomenon. The phenomenological openness (object-in-wie) is the object in relation with consciousness. Phenomenology don't supposed the birth of the copy or the reflex of the object in consciousness. The intentional object is not a reflex of transcendent, it is the transcendent, that exist in relations with consciousness. The "intentional" is the name of that relation. Phenomenology suppose, that intentional relation helps object to open its qualities.

Keywords: object, reduction, phenomenon, essence, immanence.